



Этот рассказ о великой войне, которую Рикки-Тикки-Тави вёл в одиночку в ванной комнате просторного бунгало в Сеговлийском военном поселении. Дарси, птица-портной, помогал ему, Чучундра, мускусная крыса, которая никогда не выходит на середину комнаты и всегда крадётся по стенам, дала ему совет; тем не менее по-настоящему сражался один Рикки-Тикки.

Он был мангус¹, мехом и хвостом он походил на кошечку, но его голова и нрав напоминали ласку. Его глаза и кончик беспокойного носа были розовые; любой лапкой, передней или задней, он мог почёсывать себя везде, где угодно; мог распушить свой хвост, делая его похожим на щётку для ламповых стёкол, а когда он нёсся через высокую траву, его боевой клич был: рикк-тикк-тикки-тикки-тчк.

Однажды в середине лета ливень вымыл его из норы, в которой он жил со своими отцом и матерью, и унёс барахтающегося и цокающего зверька в придорожную канаву. Рикки-Тикки увидел там плывущий комок травы, изо всех сил ухватился за него и наконец потерял сознание.

Когда зверёк очнулся, он, сильно промокший, лежал на середине садовой дорожки под знойными лучами солнца; над ним стоял маленький мальчик и говорил:

— Вот мёртвый мангус. Устроим ему похороны.



¹ [Мангус — местное название мангусты, или ихневмона. — Прим. пер.]

— Нет, — ответила мать мальчика. — Унесём зверька к нам домой и обсушим его. Может быть, он ещё жив.

Они внесли его в дом; очень высокий человек взял Рикки-Тикки двумя пальцами и сказал, что зверёк не умер, а только почти задохнулся; Рикки-Тикки завернули в вату и согрели; он открыл глаза и чихнул.

— Теперь, — сказал высокий человек (это был англичанин, который только что поселился в бунгало), — не пугайте его и посмотрим, что он станет делать.

Труднее всего в мире испугать мангуса, потому что этого зверька, от его носика до хвоста, поедает любопытство. Девиз каждой семьи мангусов «Беги и узнай», а Рикки-Тикки был истинным мангусом. Он посмотрел на вату, решил, что она не годится для еды, обежал вокруг стола, сел и привёл в порядок свою шёрстку, почесался и вскочил на плечо мальчика.

— Не бойся, Тэдди, — сказал мальчику отец. — Так он знакомится с тобой.

— Ох, щекотно; он забрался под подбородок.

Рикки-Тикки заглянул в пространство между воротником Тэдди и его шеей, понюхал его ухо, наконец, сполз на пол, сел и почесал себе нос.

— Боже милостивый, — сказала мать Тэдди, — и это дикое создание! Я думаю, он такой ручной, потому что мы были добры к нему.








— Все мангусы такие, — ответил ей муж. — Если Тэдди не станет дёргать его за хвост, не посадит в клетку, он будет целый день то выбегать из дому, то возвращаться. Покормим его чем-нибудь.

Зверьку дали кусочек сырого мяса. Оно понравилось Рикки-Тикки; поев, мангус выбежал на веранду, сел на солнце и поднял свою шерсть, чтобы высушить её до самых корней. И почувствовал себя лучше.

«В этом доме я скоро узнаю гораздо больше, — сказал он себе, — чем все мои родные могли бы узнать за целую жизнь. Конечно, я останусь здесь и всё рассмотрю».

Он целый день бегал по дому; чуть не утонул в ванной; засунул носик в чернильницу на письменном столе; обжёг его о конец сигары англичанина, когда взобрался на его колени, чтобы посмотреть, как люди едят. Когда наступил вечер, мангус забежал в детскую Тэдди, чтобы видеть, как зажигают керосиновые лампы; когда же Тэдди лёг в постель, Рикки-Тикки влез за ним и оказался беспокойным товарищем: он ежеминутно вскакивал, прислушивался к каждому шороху и отправлялся узнать, в чём дело. Отец и мать Тэдди пришли в детскую посмотреть на своего мальчика; Рикки-Тикки не спал; он сидел на подушке.




— Это мне не нравится, — сказала мать мальчика, — он может укусить Тэдди.

— Мангус не сделает ничего подобного, — возразил её муж. — Близ этого маленького зверька Тэдди в большей безопасности, чем был бы под охраной негрской собаки. Если бы в детскую теперь заползла змея...

Но мать Тэдди не хотела и думать о таких ужасных вещах.

Рано утром Рикки-Тикки явился на веранду к первому завтраку, сидя на плече Тэдди. Ему дали банан и кусочек варёного яйца. Он посидел поочерёдно на коленях у каждого, потому что всякий хорошо воспитанный мангус надеется со временем сделаться домашним животным и бегать по всем комнатам; а мать Рикки-Тикки (она жила в доме генерала в Сеговли) старательно объяснила ему, как он должен поступать при встрече с белыми.



После завтрака Рикки-Тикки вышел в сад, чтобы хорошенько осмотреть его. Это был большой, только наполовину возделанный сад с кустами роз Марешаль Ниель такой высоты, какой они достигают только в оранжереях, с лимонными и апельсиновыми деревьями, с зарослями бамбука и чащами густой высокой травы. Рикки-Тикки облизнул губы.

— Какой превосходный участок для охоты, — сказал он; от удовольствия его хвост распушился, как щётка для ламповых стёкол, и он стал шнырять взад и вперёд по саду, нюхая там и сям, и, наконец, среди ветвей терновника услышал очень печальные голоса.

Там сидели Дарси, птица-портной, и его жена. Соединив два листа и сшив их краешки листовыми фибрами, они наполнили пустое пространство между ними ватой и пухом, таким образом устроив прекрасное гнездо. Гнездо покачивалось; птицы сидели на его краю и плакали.





— В чём дело? — спросил Рикки-Тикки.

— Мы очень несчастны, — сказал Дарси. — Один из наших птенцов вчера выпал из гнезда, и Наг съел его.

— Гм, — сказал Рикки-Тикки, — это очень печально, но я здесь недавно. Кто это — Наг?

Дарси и его жена вместо ответа притаились в своём гнезде, потому что из-под куста донеслось тихое шипение — ужасный холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить на два фута назад. И вот из травы, дюйм за дюймом, показалась голова, а потом и раздутая шея Нага, большой чёрной кобры, имевшей пять футов длины от языка до хвоста. Когда Наг поднял треть своего тела, он остановился, покачиваясь взад и вперёд, точно колеблемый ветром куст одуванчиков, и посмотрел на Рикки-Тикки злыми змеиными глазами, никогда не изменяющими выражения, о чём бы ни думала змея.

— Кто Наг? — сказал он. — Я Наг! Великий бог Брама наложил на весь наш род свой знак, когда первая кобра раздула свою шею, чтобы охранять сон божества. Смотри и бойся!

Наг ещё больше раздул свою шею, и Рикки-Тикки увидел на ней знак, который так походил на очки и их оправу. На минуту он испугался; но мангус не может бояться долго; кроме того, хотя Рикки-Тикки никогда не видел живой кобры, его мать приносила ему для еды кобр мёртвых, и он отлично знал, что жизненная задача взрослого мангуса — сражаться со змеями и поедать их. Наг тоже знал это, и в глубине его холодного сердца шевелился страх.

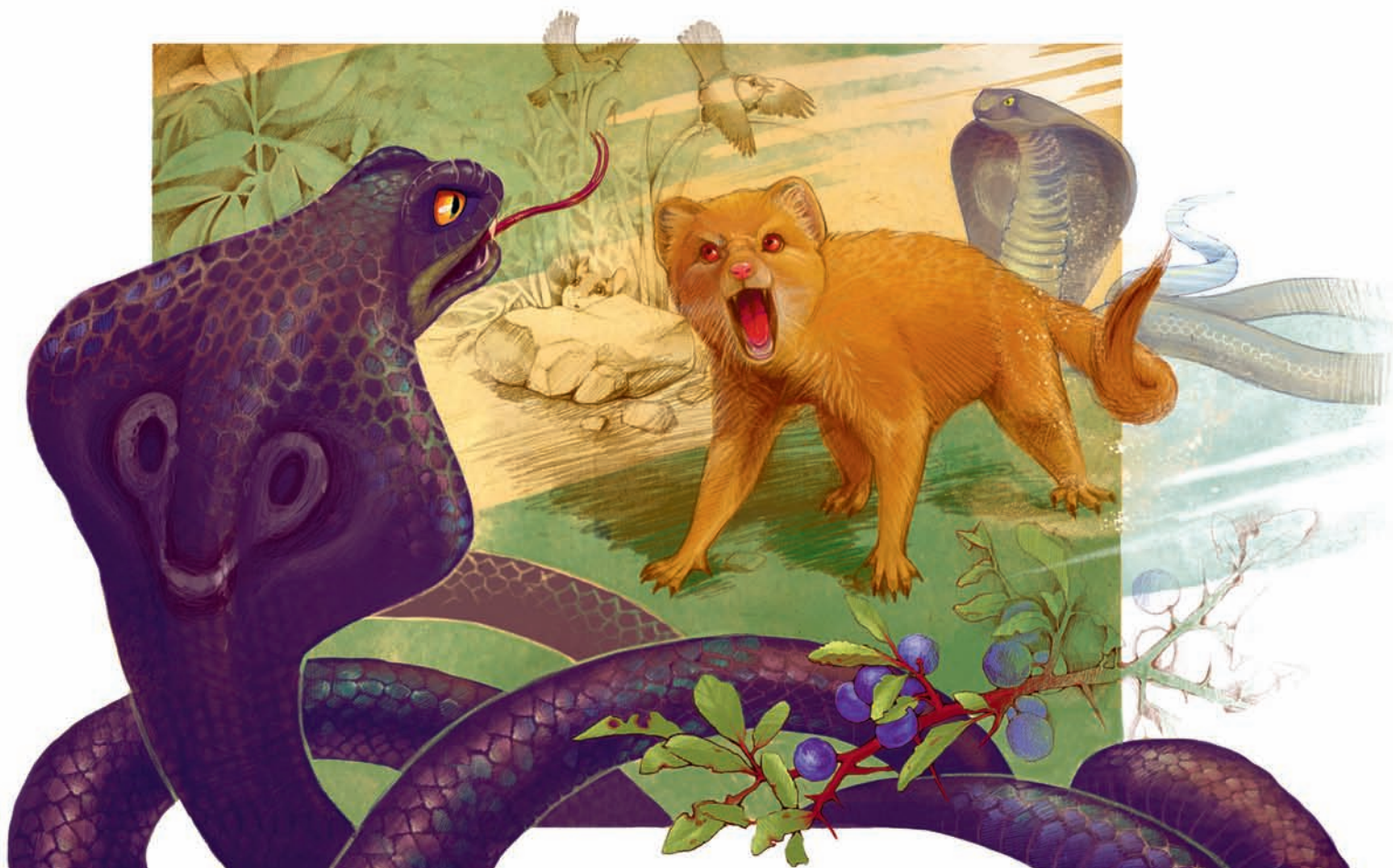
— Хорошо, — сказал Рикки-Тикки, и шерсть его хвоста начала подниматься, — всё равно; есть на тебе знаки или нет, ты не имеешь права есть птенчиков, выпавших из гнезда.

Наг думал; в то же время он наблюдал за лёгким движением в траве позади Рикки-Тикки. Он знал, что раз в саду поселятся мангусы, это, рано или поздно, повлечёт за собой его смерть и гибель его семьи, и ему хотелось заставить Рикки-Тикки успокоиться. Поэтому он немного опустил голову и наклонил её на одну сторону.

— Поговорим, — сказал Наг, — ты же ешь яйца. Почему бы мне не есть птиц?

— Позади тебя! Оглянись! — пропел Дарси.

Рикки-Тикки не хотел тратить времени, смотря по сторонам. Он подскочил как можно выше, и как раз под ним со свистом промелькнула голова Нагены, злой жены Нага. Пока он разговаривал с Нагом, вторая кобра подкрадывалась к нему сзади, чтобы покончить с ним; теперь, когда её удар пропал даром, Рикки-Тикки услышал злобное шипение. Он опустился на лапки почти поперёк спины Нагены и, будь Рикки-Тикки старым мангусом, он понял бы, что ему следует, куснув её один раз, сломать ей спину; но он боялся страшного поворота головы кобры. Конечно, Рикки кусал змею, но недостаточно сильно, недостаточно долго и отскочил от её хлеставшего хвоста, бросив раненую и рассерженную Нагену.



— Злой, злой Дарси, — сказал Наг, поднимаясь насколько мог во направлении к гнезду на кусте терновника; но Дарси так устроил своё жилище, что оно было недоступно для змей и только слегка покачивалось. Глаза Рикки-Тикки покраснели, и к ним прилила кровь (когда глаза мангуса краснеют, это значит, что он сердится); зверёк сел на свой хвост и задние лапки, как маленький кенгуру, огляделся кругом и зацокал от бешенства. Наг и Нагена исчезли в траве. Если змее не удаётся нападение, она ничего не говорит и ничем не показывает, что собирается сделать дальше. Рикки-Тикки не стал отыскивать кобр; он не был уверен, удастся ли ему справиться сразу с двумя змеями. Поэтому мангус пробежал на усыпанную дорожку подле дома, сел и стал думать. Ему предстояло важное дело.

В старинных книгах по естественной истории вы прочитаете, что укушенный змеёй мангус прекращает борьбу, отбегает подальше и съедает какую-то травку, которая исцеляет его. Это неправда. Мангус одерживает победу только благодаря быстроте своего взгляда и ног; удары змеи состояются с прыжками мангуса, а так как никакое зрение не в силах уследить за движением головы нападающей змеи, победу зверька можно считать удивительнее всяких волшебных трав. Рикки-Тикки знал, что он молодой мангус, а потому тем сильнее радовался при мысли о своём спасении от удара, направленного сзади. Всё случившееся внушило ему самоуверенность, и когда на дорожке показался бегущий Тэдди, Рикки-Тикки был не прочь, чтобы он его приласкал.

Как раз в ту секунду, когда Тэдди наклонился к нему, что-то слегка зашевелилось в пыли, и тонкий голос сказал:

— Осторожнее. Я смерть!

Это была карэт, коричневатая змейка, которая любит лежать в пыли. Её укус так же опасен, как укус кобры. Но коричневая змейка так мала, что никто о ней не думает, и потому она приносит людям особенно много вреда.

Глаза Рикки-Тикки снова покраснели, и он подскочил к карэт тем особенным покачивающимся движением, которое

унаследовал от своих родичей. Это смешная походка, но благодаря ей зверёк остаётся в таком совершенном равновесии, что может кинуться на врага под каким ему угодно углом, а когда дело идёт о змеях, это великое преимущество. Рикки-Тикки не знал, что он решился на более опасную вещь, чем бой с Нагом! Ведь карэт так мала и может поворачиваться так быстро, что если бы Рикки-Тикки не схватил её под затылок, она опрокинулась бы и укусила его в глаз или губу. Но Рикки этого не знал; его глаза горели, и он прыгал взад и вперёд, отыскивая, где бы лучше захватить карэт. Карэт кинулась. Рикки прыгнул в сторону на всех четырёх лапках и попытался кинуться на неё, но маленькая злобная пыльно-серая голова промелькнула близ самого его плеча; ему пришлось перескочить через тело змеи; её голова направилась за ним и почти коснулась его.

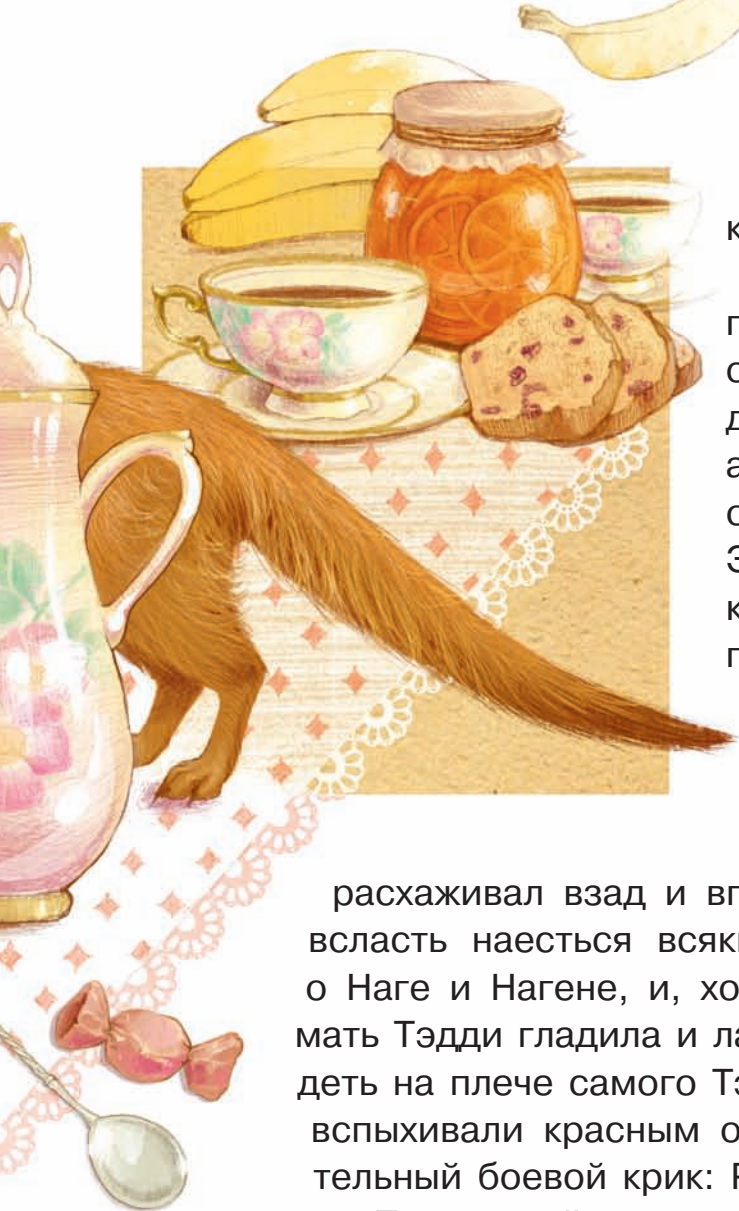
Тэдди повернулся к дому и закричал:

— О, смотрите! Наш мангус убивает змею!

Почти тотчас же Рикки услышал испуганное восклицание матери Тэдди; отец мальчика выбежал в сад с палкой, но к тому времени, когда он подошёл к месту боя, карэт слишком вытянулась, Рикки-Тикки сделал прыжок, вскочил на спину змеи и, прижав её голову своими передними лапами, укусил в спину, как можно ближе к голове, потом отскочил в сторону. Его укус парализовал карэт. Рикки-Тикки уже собирался приняться есть змею, по обычаю своего семейства, начиная с хвоста, как вдруг вспомнил, что сытый мангус неповоротлив и что, если он желает быть сильным, ловким и проворным, ему необходимо остаться голодным.

Он отошёл, чтобы выкупаться в пыли под кустами клещевины. В это время отец Тэдди колотил палкой мёртвую карэт.





«Зачем? — подумал Рикки-Тикки. — Я же покончил с ней!»

Мать Тэдди подняла мангуса из пыли и приласкала его, говоря, что он спас от смерти её сына; отец Тэдди заметил, что мангус — их счастье, а сам Тэдди смотрел на всех широко открытыми испуганными глазами. Эта суета забавляла Рикки-Тикки, который, понятно, не понимал её причины. Мать Тэдди могла бы с таким же успехом ласкать Тэдди за то, что он играл в пыли. Но Рикки-Тикки было весело.

В этот вечер за обедом мангус расхаживал взад и вперёд по столу и мог бы три раза всласть наесться всяких вкусных вещей, но он помнил о Наге и Нагене, и, хотя ему было очень приятно, когда мать Тэдди гладила и ласкала его, хотя ему нравилось сидеть на плече самого Тэдди, время от времени его глазки вспыхивали красным огнём и раздавался его продолжительный боевой крик: Рикк-тикк-тикки-тикки-тчк!

Тэдди отнёс его к себе в постель и хотел непременно уложить его под своим подбородком. Рикки-Тикки был слишком хорошо воспитан, чтобы укусить или оцарапать мальчика, но едва Тэдди заснул, мангус соскочил на пол, отправился осматривать дом и в темноте натолкнулся на Чучундру, мускусную крысу, которая кралась по стене. Чучундра — маленький зверёк с разбитым сердцем. Целую ночь она хныкает и пищит, стараясь заставить себя выбежать на середину комнаты, но никогда не решается на это.

— Не убивай меня, — чуть не плача, попросила Чучундра. — Не убивай меня, Рикки-Тикки!

— Разве ты думаешь, что победитель змей убивает мускусных крыс? — презрительно сказал Рикки-Тикки.

— Тот, кто убивает змей, бывает убит змеями, — ещё печальнее произнесла Чучундра. — И разве я могу быть уверена, что когда-нибудь в тёмную ночь Наг не примет меня за тебя?

— Этого нечего бояться, — сказал Рикки-Тикки, — кроме того, Наг в саду, а ты, я знаю, не выходишь туда.

— Моя родственница Чуа, крыса, сказала мне... — начала Чучундра и замолчала.

— Что сказала?

— Тсс! Наг повсюду, Рикки-Тикки. Тебе следовало бы поговорить в саду с крысой Чуа.

— Я не говорил с ней, значит, ты должна сказать мне всё. Скорее, Чучундра, не то я тебя укушу!

Чучундра села и заплакала; слёзы покатались по её усам.

— Я несчастна, — прорыдала она. — У меня нет мужества выбежать на середину комнаты. Тсс! Я не должна ничего тебе говорить. Разве ты сам не слышишь, Рикки-Тикки?

Рикки-Тикки прислушался. В доме было тихо-тихо, однако ему казалось, что он может уловить невероятно слабый «скрип-скрип» — звук не сильнее скрипа лап осы, бродящей по оконному стеклу, — сухой скрип змеиной чешуи по кирпичам.





«Это Наг или Нагена, — мысленно сказал себе Рикки-Тикки, — и змея ползёт в сточный жёлоб ванной комнаты».

Ты права, Чучундра, мне следовало поговорить с крысой Чуа.

Он тихо вошёл в ванную комнату Тэдди; там не было ничего; потом заглянул в ванную комнату матери мальчика. Здесь в гладкой оштукатуренной стене, внизу, был вынут кирпич для стока воды, и когда Рикки-Тикки крался мимо ванны, вмазанной в пол, он услышал, что за стеной, снаружи, Наг и Нагена шепчутся при свете месяца.

— Когда дом опустеет, — сказала мужу Нагена, — ему придётся уйти, и тогда мы снова всецело завладеем садом. Тихонько вползи и помни: прежде всего нужно укусить большого человека, который убил карэт. Потом вернись, расскажи мне всё, и мы вместе поохотимся на Рикки-Тикки.

— А уверена ли ты, что мы достигнем чего-нибудь, убив людей? — спросил Наг.

— Всего достигнем. Разве в саду были мангусы, когда никто не жил в бунгало? Пока дом пуст, мы в саду король и королева; и помни, едва на грядке с дынями лопнут яйца (а это может случиться завтра), нашим детям понадобятся спокойствие и простор.

— Я не подумал об этом, — сказал Наг. — Я вползу, но нам неза-

чем преследовать Рикки-Тикки. Я убью большого человека, его жену и ребёнка, если это будет возможно, и вернусь. Бунгало опустеет, и Рикки-Тикки уйдёт сам.

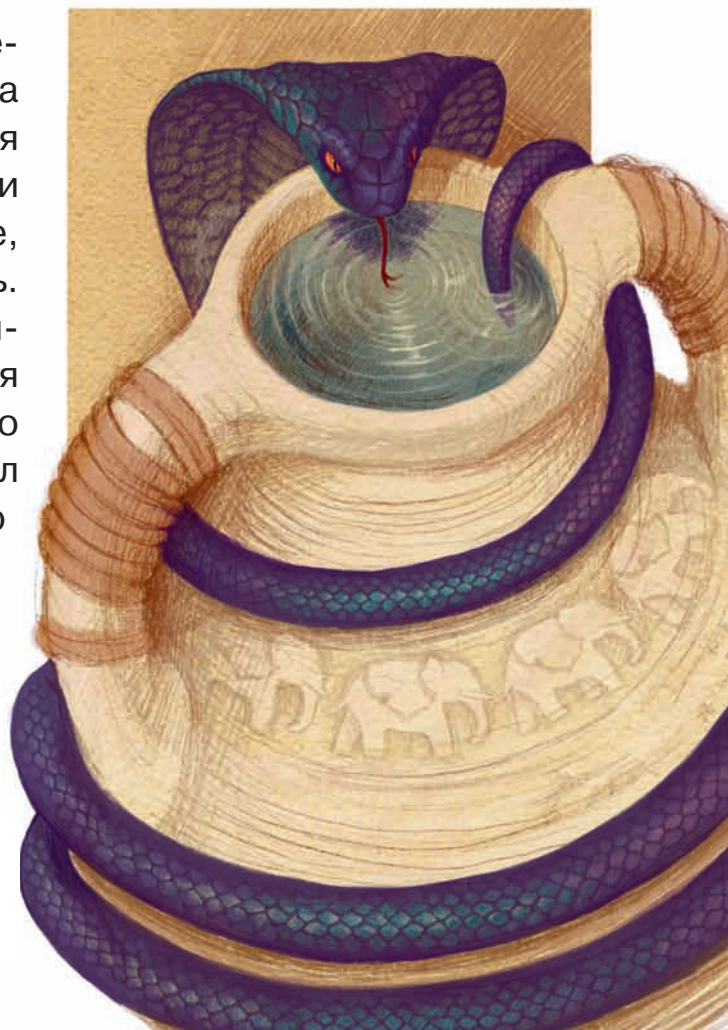
Рикки-Тикки весь дрожал от ярости и ненависти, но вот из жёлоба показалась голова Нага, а потом и пять футов его холодного тела. Как ни был рассержен Рикки-Тикки, но увидав размер громадной кобры, он почувствовал страх. Наг свернулся, поднял свою голову и посмотрел в тёмную ванную комнату; Рикки заметил, что его глаза блестят.

«Если я убью его здесь, это узнает Нагена, кроме того, если я буду биться с ним посреди пола, вся выгода окажется на его стороне. Что мне делать?» — подумал Рикки-Тикки-Тави.

Наг извивался в разные стороны, и скоро мангус услышал, что он пьёт из самого большого водяного кувшина, которым обыкновенно наполняли ванну.

— Вот что, — сказал Наг, — большой человек убил карэт палкой. Может быть, эта палка всё ещё у него, но утром он придёт купаться без неё. Я дождусь его здесь. Нагена, ты слышишь? Я до утра буду ждать здесь, в холодке.

Снаружи не послышалось ответа, и Рикки-Тикки понял, что Нагена уползла. Наг принялся укладываться в большой кувшин, обвивая кольцами своего тела выпуклость на его дне, а Рикки-Тикки сидел тихо, как смерть. Прошёл час; мангус медленно, напрягая одну мышцу за другой, двинулся к кувшину. Наг спал, и глядя на его широкую спину, Рикки спрашивал себя, в каком месте лучше всего схватить кобру зубами. «Если при первом же прыжке я не переломлю ему хребта, — подумал Рикки, — он будет биться, а борьба с Нагом... О, Рикки!»



Он измерил взглядом толщину змеиной шеи, но она была слишком широка для него; укусив же кобру подле хвоста, он только привёл бы её в бешенство.

«Лучше всего вцепиться в голову, — мысленно сказал он себе наконец, — в голову повыше капюшона; впустив же в Нага зубы, я не должен разжимать их».

Он прыгнул. Голова змеи слегка выдавалась из водяного кувшина и лежала ниже его горлышка. Как только зубы Рикки сомкнулись, мангус упёрся спиной о выпуклость красного глиняного кувшина, чтобы удержать голову змеи. Это дало ему секунду выгоды, и он хорошо воспользовался ею. Но Наг тотчас же принялся трясти его, как собака трясёт крысу; таскал его взад и вперёд по полу, вскидывал, опускал, размахивал им, но глаза мангуса горели красным огнём, и он не разжимал своих зубов. Змея волочила его по полу; жестяной ковшик, мыльница, тельная щётка — всё разлетелось в разные стороны.

Рикки ударился о цинковую стенку ванны и сильнее сжал свои челюсти. Рикки ради чести своей семьи желал, чтобы его нашли с сомкнутыми зубами. Голова у него кружилась. Вдруг раздалось что-то вроде громового удара; ему представилось, будто он разлетается на куски; горячий воздух обдал его, и он лишился чувств; красный огонь опалил его шёрстку. Шум разбудил большого человека, и он выстрелил из обоих стволов своего ружья в голову Нага, выше расширения шеи кобры.

Рикки-Тикки не открывал глаз; он был вполне уверен, что его убили; но змеиная голова не двигалась и, подняв зверька, англичанин сказал:

